

Так, в *социально-событийном* смысле он предстает как человек, творящий насилие, злоупотребляющий властью, высокомерно-чванливый и, с другой стороны, человек деморализованный, безвыходно и бессмысленно («как в подземной тюрьме без свечи») страдающий, раболепный. В *морально-идеологическом* отношении он являет собой активного стяжателя, проныру, прожигателя жизни и пассивного приспособленца, беглеца от ответственности, небокопителя, а также реакционера, «самодовольного болтуна», предателя. В *культурно-историческом* плане «человек жизненной рутины» реализует себя как бездумного приверженца дурных обычаев, представителя неизбежного порядка вещей, выразителя «национального идиотизма» (холопства, дубинноголовости, бесшабашности, зверства) и еще как человека чужеродного, культурно-нигилистичного, абстрактно-умствующего. В *ментально-психологическом* качестве тот же тип открывается в виде человека мелочного, эгоистичного, амбициозного, ревнивого, завистливого и человека слабого, не владеющего собой, «актера», неискреннего, безалаберного, эмоционально-неуправляемого, подверженного фобиям. В *экзистенциально-духовном* отношении это человек беспринципный, самовлюбленный, косный, «неестественный» — и он же тривиальная, поглощенная исключительно земными заботами и материальными хлопотами, бездарная, духовно убогая безличность.

Становление в творчестве Некрасова развернутой духовной метафизики и поэтической антропологии естественным образом повлекло за собой возникновение специфических форм и конкретных способов их художественного воплощения. Здесь мы можем указать, по меньшей мере, на три тесно взаимосвязанных проявления особенностей художественной презентации поэтом его философской рефлексии.

Первое из них обнаруживает себя в том, что чем далее, тем определеннее поэт начал «скрадывать» социальную, психологическую и ценностную дистанцию между субъектом плана авторского сознания (согласно Б. О. Корману, прямого повествователя и лирического героя) и субъектом плана дистанцированного (ролевого — по Корману) сознания. Это нашло свое выражение в том, что у Некрасова оказывались сближены проблематика и позиция субъектов сознания иерархически высокого и низкого состояния, интеллигентного и простонародного типа, персонажи в общественном, идеологическом, ценностном отношении близкого ему круга и выразители даже чуждого ему мирозерцания.

При этом если в ранней лирике Некрасова «вбирающей» инстанцией выступает сознание, близкое авторскому, то в позднем творчестве именно «неавторское» сознание оказывается способно вмещать в себя интенциональный горизонт первого. Так, некрасовские повествователи в «Пьянице», «Современной оде», стихотворениях «Тройка», «Я за то глубоко презираю себя...» еще недифференцированно обнимают едва ли не весь диапазон типов сознания — от безграмотного деревенского парня до нуждающегося столичного интеллигента.⁴⁶ А социально-психологически уже вполне определившиеся лирические персонажи, с одной стороны, «Еду ли ночью...», «Несжатой полосы», «Последних элегий», стихового очерка «В больнице», с другой — таких стихотворений, как «Плач детей», «Похороны», «Зеленый шум», «Калистрат», «Дядюшка Яков», и, наконец, стихотворений вроде «В дороге», «Вора», «Дешевой покупки», «Над чем мы смеемся...», позво-

⁴⁶ См.: Пайков Н. Н. Проблема народа и мир современный в стихотворении Н. А. Некрасова «В дороге» // Некрасовские традиции в истории русской и советской литературы. Межвуз. сб. науч. тр. Ярославль, 1985. Вып. 75. С. 17 и далее.